

всего мира, просмотрели опасность проявления отрицательных черт долговой экономики, в которую оказались ввергнутыми практически все ведущие страны мира, когда объемы финансовых заимствований вышли за пределы, допускаемые реальным сектором экономики. И Г. И. Дибнис первый, кто, не ожидая, как и все ведущие мировые экономисты, ее отдаленных последствий, страдал от этих проявлений. Следует отметить, что финансовые проекты Г. И. Дибниса относились ко всему периоду, начиная с середины 90-х годов, тогда как первые извинения за неправильную финансовую политику (например, от бывшего главы ФРС США Алана Гринспена) поступили уже после начала первого витка экономического кризиса 2008 года.

И наконец, нельзя не отметить выдающиеся способности Г. И. Дибниса как организатора в любой сфере деятельности: создании новой кафедры, обеспечении учебного процесса, проведении выборной кампании, лоббировании интересов, организации воспитательного процесса – он всегда был любимчиком громадного числа студентов. Его доброта и готовность к бескорыстной помощи благоприятствовали его организационным начинаниям, трудно было найти основание, что бы отказать ему в сотрудничестве или исполнении какой-либо просьбы. Да и трудно себе представить, чтобы Г. И. Дибнис отказал бы в участии в любом важном и сложном для Вас вопросе, порой выходящем за рамки его компетенции.

Жизнь этого яркого, многогранного человека – ученого, банкира, финансиста и организатора остается загадкой, разгадать которую помогут проводимые в рамках данной конференции чтения его памяти.

ДИБНИСОВСКАЯ ШКОЛА НАУЧНЫХ ШКОЛ

Павел Викторович Кривуля

к.э.н., докторант, доцент кафедры менеджмента
и экономической безопасности

Восточноукраинского национального университета им. В. Даля

Не всегда легко понять что понимают под «школой» в науке – преемственность ли в профессиональной группе, новый ли взгляд в отдельной коллегии, родство ли духа, или, возможно, всего лишь сложившийся клуб для обмена мнениями и апробации результатов, просто солидарность или даже комплиментарность в некоторой коллегии.

Не бывает просто «школы» как места или общественного института, в котором багаж знаний одних людей тиражируется и распространяется в головах других людей, предположительно более молодых. Не бывает, потому что необходимы желания и тех, кто намерен передавать (условно употребляя это слово) знания и тех, кто намерен брать их; необходима убежденность в том, что передаваемое является знанием, и в том, что оно полезно; необходим выбор единомышленников – выбор некоего нового порядка по отношению к выбору профессии. Поэтому

нельзя разные истолкования такого феномена как научная школа свести к одному понятию, но и нельзя разьединить несколько связанных феноменов. Иногда понять, что такое конкретная научная школа, не так легко, так как разные «школы» различны и в смысле значения слова «школа» тоже. А раз так, то излишним было бы нам понять и то, почему возникает эта потребность передавать какие-то знания в отдельной группе коллег (которые и без того уже коллеги, то есть должны обладать в некоторой степени сходным набором профессиональных знаний), почему возникает потребность в признании факта группы не просто коллег, но единомышленников (хотя и собирающихся зачастую именно поспорить друг с другом, противопоставить свои мнения).

В этой связи хотелось бы выделить один особый аспект научной деятельности и становления научных взглядов, а в соответствии с этим выбранным аспектом – одного особого представителя научного мира менеджеров Далевого университета. Речь идёт о том, что хотя исследователь не может не быть человеком творческим и ищущим, но и не всегда он представляет собой человека гибких представлений, адаптивного к новым взглядам на поле своей профессиональной деятельности. И в известном смысле ярчайшим примером такого гибкого и адаптивного менеджера, повлиявшего на становление менеджерской популяции Далевого университета, был Григорий Ихильевич Дибнис. Он был ярчайшим и потому, что всегда показывал личный пример «гибкой» работы с предметом исследования, и потому, что был быстро адаптирующимся собеседником, всегда готовым предоставить плацдарм обкатки новых моделей в обсуждении, и потому, что, собственно, именно ему далевские менеджеры должны быть благодарными за привлечение внимания к проблематике адаптивности организационных структур и аппарата управления. Именно Дибнис прививал столь ситуативистский взгляд на организацию не как на скелетную систему, а как на способную к адаптации субстанцию. Категории «адаптация» и «адаптивное» стали широко популярными в исследованиях менеджеров-далевцев, но проводником их в наши пенаты стал именно Г. И. Дибнис. И верно не зря все его рассуждения начинались с присказки «в этой ситуации», – это были слова, которые сразу задавали тон поиска ключевых характеристик описания проблемной ситуации, в определенном смысле субъективного взгляда на проблему, но и прагматичного, достаточно экономно относящегося к ресурсам исследователя.

К сожалению, Григория Ильича, как называли его все коллеги, уже нет рядом, и остаётся лишь надежда на то, что дух его научной смелости, способности к выбору удачных аналогий и демонстрации широты взгляда передался хотя отчасти всем, кто с ним вёл учебные и научные обсуждения. В определённом смысле понятие школы весьма нечётко, и есть преемственности школ, и есть школы школ, и есть школы личного примера, в которых действует фактор личности человека, неподдающийся полному описанию и вмещению в прокрустово ложе любого конечного изложения, – Григорий Ильич был той личностью, у которой можно было научиться без подражательства. Он был той «школой», наставления которой могли породить непохожие друг на друга, само-

стоятельные по содержанию и способу отражения картины мира. И он со всеми этими «мирами» находил общий язык, – он мог вести их, взяв будто бы за ручку, к цели, которую наметил сам, а мог подталкивать их к тем целям, которые жили внутри их самих, но опять-таки, как почему-то казалось, осознавались им лучше. Его влияние на оппонента в ходе обсуждения было столь же велико, насколько был велик и его плюрализм, в духе которого он вёл обсуждение. К сожалению, – и к особому сожалению для ситуативистов, – многие коллеги считают, что именно их уверенность в правоте тех или иных позиций придаёт вес их профессионализму, подтверждает его. Но такое, как бы сказать, недибнисовское поведение приводит только к закостенению ошибочных догматов, к разобщению менеджерской коллегии, – и, как следствие такого разобщения и подрыва конвенциональности знаний коллегии, к депрофессионализации этой коллегии. Есть надежда на то, что важной особенностью нашего научного сообщества станет тот самый «дибнисовский подход» к изучению проблемы, отказ от догматизма традиционных представлений (но не отказ от самих этих представлений!) и активный поиск нового знания в старых концепциях. Нам было и остаётся, чему учиться у него – жаль, что он нас может учить только живя в нашей памяти и ещё более опосредованно на незнавших его через память знавших.

ГРИГОРИЙ ИЛЬИЧ БЫЛ НАСТОЯЩИЙ ПРОФЕССОР!

Султан Курбанович Рамазанов

д.т.н., д.э.н., профессор,
декан факультета инновационной экономики и кибернетики, за-
ведующий кафедрой экономической кибернетики
Востокукринского национального университета им. В. Даля,
заслуженный деятель науки и техники Украины

Да, человек смертен,
но это было бы еще полбеды.
Плохо то, что он иногда внезапно смертен,
вот в чем фокус!

М. А. Булгаков. "Мастер и Маргарита"

Да, великий Мастер прав! Но почему так устроен мир? Почему Бог забирает лучших и молодых к себе? Может там они также нужнее? Ответа не знает никто и все академии наук Мира! Жаль, что так!

С Григорием я познакомился еще 70-е годы. Постепенно возникло к нему чувство уважения за его порядочность, обязательность, образованность, взрослый ум и мудрость. Он, хотя был младше меня, неоднократно давал мне подсказки и советы. Мое главное впечатление о нем – Он был настоящим во всем. Он любил жизнь. Он многое успел создать в своей жизни. Он помогал исключительно всем во всем. Особенно я хочу отметить его светлый ум, грамотность и ученость.